

Эта мысль, смешанная с другими, начала бродить в теле Шэнь Фаши, разбухая. Он, будучи невероятно терпеливым, не издал ни звука, и лишь когда между его ног разлилась влага, он хрипло произнёс его имя: «Саньмэй...»

В этот момент тот, кого он звал, сидел в кабинете перед чистым листом бумаги, морща лоб, с выражением сложных эмоций на лице. Смутные детские голоса доносились издалека, вызывая у него головную боль.

— «Брат, мне страшно...»

— «Не бойся. Лючэнь, не бойся, закрой глаза!»

— «Что случилось с отцом? Почему он покончил с собой?»

— «Молчи! Нельзя, чтобы люди Чжуиня думали, что отец покончил с собой!.. Это должно остановиться на отце. Ни ты, ни я, мы ничего не читали... Эту вещь больше нельзя упоминать, будто её никогда не существовало!»

Цзи Саньмэй опустил голову, упираясь лбом в ладони.

После своего возрождения, разбираясь в воспоминаниях, он обнаружил, что в его памяти есть странный пробел.

Кажется, какое-то ключевое слово или событие было полностью стёрто из его памяти.

Что же он потерял в своей жизни?

Авторское примечание:

Саньмэй: Мне кажется, я забыл что-то очень важное.

Мастер: Да, очень важное.

Саньмэй (с кокетливым выражением): Дядя Шэнь, скажите мне, что это.

Мастер (с каменным лицом): Когда вырастешь, я тебе напомню.

К счастью, Цзи Саньмэй никогда не любил копаться в своих болезненных воспоминаниях, и, иногда вспоминая что-то, он мог даже посмеяться над собой.

Он поймал этот мимолётный намёк, тщательно сохранил его в уголке своего разума, а затем легко вышел из состояния задумчивости, взял кисть и написал письмо одним махом.

«Уважаемый отец, с поклоном сообщаю: Саньмэй, находясь вдали от дома, постоянно вспоминает родной дом, каждую вещь, каждый пейзаж. Чёрная кошка из прошлых лет, она всё ещё жива? Ваш сын сейчас находится за пределами города Юньян, в храме Цзюэми, у господина Шэнь Фаши. Надеюсь, отец приедет поскорее. С уважением, ваш сын Цзи Саньмэй, такого-то числа».

В письме, конечно же, был зашифрован намёк: та самая «чёрная кошка из прошлых лет» была диким котёнком, которого Цзи Саньмэй, будучи принцем Биньци, подарил своему глупому брату Цзи Лючэню. Тот сразу бы понял.

Однако, по неизвестной причине, ни Ван Чуаньдэн, ни Шэнь Фаши не хотели отправляться в

город Чжуинь, чтобы доставить письмо. Чанъань был бы рад сбегать, но, не зная дороги, он мог бы заблудиться и не вернуться.

Если бы ему поручили это задание, это было бы всё равно что бросить мясо псу — он бы точно не вернулся.

В конце концов, Шэнь Фаши взял письмо, подержал его в руке, немного подумал и с письмом в руке вышел за дверь. К закату он вернулся, весь в аромате цветков акации, но с пустыми руками.

Цзи Саньмэй вежливо вышел ему навстречу, напрягая свои сто тридцать сантиметров, чтобы помочь стодевяностосантиметровому Шэнь Фаши снять кашаю плывущих облаков, и обнял её, чувствуя его тепло.

Он поднёс кашаю к носу, вдохнул аромат и лукаво покрутил глазами.

Он спросил: «Дядя Шэнь, кому вы доверили письмо?»

Шэнь Фаши кратко ответил: «Юнь Хуай».

Цзи Саньмэй прищурился: «Юнь Хуай?»

Шэнь Фаши: «... Друг».

Цзи Саньмэй улыбнулся: «Друг дяди Шэнь, должно быть, такой же замечательный, как и сам дядя Шэнь».

Сказав это, он вышел за дверь, держа кашаю в руках.

К вечеру Шэнь Фаши забрал свою кашаю.

Цзи Саньмэй провёл в умывальной неизвестно сколько времени, выстирал кашаю снаружи и внутри, зажёл костёр из сосновых иголок, чтобы высушить и согреть её. Аромат акации исчез полностью, а на золотых узорах лотоса остался лишь лёгкий молочный запах ребёнка.

Он аккуратно сложил кашаю на кровати Шэнь Фаши и, глядя на него и Ван Чуаньдэна, обсуждающих дела, мягко улыбнулся: «Дядя Шэнь, вы заняты».

Наблюдая, как Цзи Саньмэй, покачиваясь, выходит из комнаты, Ван Чуаньдэн, уже на шестьдесят процентов уверенный в его истинной личности, намеренно сказал: «Губернатор, почему бы не отправить этого ребёнка обратно к Цзи Лючэню? Зачем оставлять его здесь?»

Шэнь Фаши, казалось, был в хорошем настроении: «А что? Не хочешь?»

Ван Чуаньдэн вздохнул: «Ладно, пусть остаётся. В конце концов, все непослушные дети достаются мне».

«Он будет со мной».

Шестьдесят процентов уверенности превратились в семьдесят. Ван Чуаньдэн, скрестив руки за спиной, решил подтвердить свои догадки: «Губернатор, вы, кажется, очень к нему привязаны».

Шэнь Фаши опустил голову: «Так и должно быть».

... Семьдесят процентов стали восьмьюдесятью.

Для Ван Чуаньдэна этого было достаточно. Он улыбнулся, краем глаза глядя на аккуратно сложенную кашаю: «Похоже, он очень старается. Губернатору, наверное, стоит оставить его».

Шэнь Фаши промолчал.

... Не просто «старается», а слишком старается.

Этот маленький лисёнок был знаком со всеми странными вещами в мире, и, чуть понюхав, он легко догадался, что Шэнь Фаши сегодня встречался с духом акации.

Цзи Саньмэй никогда не был тем, кто открыто проявлял ревность, но сегодня он намекнул Шэнь Фаши, что его «круг общения» за эти годы вызывает у него некоторое беспокойство.

И то, что действительно его беспокоило, был не Юнь Хуай, которого он никогда не видел, а Чанъань, живущий с ними в одном дворе.

Шэнь Фаши закрыл книгу, и на его губах мелькнула редкая улыбка.

Похоже, пришло время объяснить ему, кто такой Чанъань.

...

Цзи Саньмэй сидел на ступеньках, жевал табак, подпирал щёку рукой и глядел на луну.

Сегодня цикады трещали ещё гуще, чем вчера. В невидимой густой тени деревьев эти серо-чёрные создания шевелили полупрозрачными крыльями, осторожно вонзая свои хоботки в кору и жадно высасывая сок. Они были вампирами деревьев, но при этом кричали так, будто хотели устроить переполох, в отличие от кузнечиков, которые изредка подавали голос из травы — те были куда скромнее.

Он ждал, пока Шэнь Фаши закончит свои дела и придёт поговорить с ним.

Но даже когда он уже начал засыпать, Шэнь Фаши, похоже, не собирался выходить, чтобы обсудить с ним жизнь и вселенную. Цзи Саньмэй, будучи ребёнком, не мог долго бодрствовать, поэтому, с трудом поднявшись на ноги, он отряхнул вечернюю росу с брюк и, полуспящий, направился к одной из келий.

В монастыре было три кельи. Главная, конечно, предназначалась для отдыха Шэнь Фаши, а Чанъань, которому не нужно было спать, не занимал отдельную комнату, предпочитая медитировать, поэтому он жил в одной келье с Ван Чуаньдэном. Оставшаяся комната использовалась для хранения лишних вещей.

Когда Цзи Саньмэй появился, Чанъань сначала предложил ему жить вместе, но, получив вежливый отказ, не сдался. Он превратил свои руки в большие метлы и целый день убирал комнату для хранения.

Глядя на эти собачьи глаза, полные ожидания, даже такой толстокожий, как Цзи Саньмэй, не смог сказать: «Ты зря старался, я всё равно планировал спать в комнате учителя».

Ладно, раз Чанъань так старался, он примет его предложение.

Поскольку Цзи Саньмэй был скрягой, он привык запирать все свои вещи на замок, чтобы никто

не мог их увидеть. Поэтому, уложив все свои накопления из рабовладельческого логова в комнату, он запер дверь на замок.

Он, сонный и уставший, подошёл к двери кельи, вытащил ключ на красной нитке из-под воротника и несколько раз безуспешно пытался вставить его в замочную скважину.

Замок был пружинным, который Цзи Саньмэй вытащил из угла комнаты, а его головка была из латуни и весила более двух килограммов, что свидетельствовало о его сильном стремлении защитить свою собственность.

«Что ты делаешь?»

Сзади раздался голос Шэнь Фаши. Цзи Саньмэй, изо всех сил боровшийся с замком, был настолько сонным, что его голос звучал мягко, как у кошки, но его слова были твёрдыми: «Дядя Шэнь... Дверь не открывается».

Крупное тело приблизилось и обняло его: «Зачем ты её запер?»

Цзи Саньмэй чуть не проглотил язык от усталости: «Там... мои вещи».

Шэнь Фаши рассмеялся: «Ты что, собираешься спать с ними?»

<http://bllate.org/book/16281/1466119>